

ПАЛИТРА СПРЕССОВАННОГО ВРЕМЕНИ

К юбилею Бориса Карафелова

АЛЕК Д. ЭПШТЕЙН И АНДРЕЙ КОЖЕВНИКОВ, СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «ЕВРЕЙСКОГО ОБОЗРЕВАТЕЛЯ»

Борис Карафелов на выставке своих произведений, 2011 г.

Отмечающий свой семидесятилетний юбилей замечательный художник Борис Беньяминович Карафелов родился 21 марта 1946 года под Ташкентом, но уже в полуторагодичном возрасте вернулся с родителями в Винницу, где прошли его детство и юность. Хотя в 2008 году двенадцать работ художника экспонировались на выставке «Средняя Азия, Москва, Иерусалим в творчестве еврейских художников» в Государственном музее Востока в Москве, фактически вырос он не в Средней Азии, а на Украине, где он жил (включая годы учебы в Крыму) более тридцати лет. Старый еврейский квартал Винницы, где прошло детство художника, еще до революции назывался «Иерусалимка»; так называется и одна из серий работ Б.Б. Карафелова, посвященная воспоминаниям об уже ушедшем мире восточноевропейского еврейства бывшей «черты оседлости». Мир, заселенный своими философами и актерами, которые в обычной жизни были незамысловатыми еврейскими ремесленниками, предстает на его полотнах некой мистерией, пронзающей серую завесу обыденности.

В 1969 году Б.Б. Карафелов закончил Крымское художественное училище в Симферополе, после чего до 1976 года преподавал в художественной школе в Виннице, а в 1977–1989 гг. — в Москве. Кроме того, как художник-постановщик он работал в московском Театре на Таганке, Донском театре драмы и комедии им. В.Ф. Комиссаржевской в Новочеркасске, театре «Мерлин» (Будапешт) и других труппах.

С 1990 года Б.Б. Карафелов живет в Израиле, где уже в 1992 году был удостоен премии им. Мордехая Иш-Шаалома иерусалимского Дома художника. Его выставки, проводимые в Иерусалиме каждые несколько лет, заслуженно пользуются неизменным вниманием любителей искусства. В 1993, 1996 и 2004 годах персональные выставки Б.Б. Карафелова проходили и в различных городах США. Репродукции его произведений широко известны даже тем, кто не знает его имени, ибо его картины использованы в оформлении многих книг любимой миллионами читателей писательницы Дины Ильиничны Рубиной, супруги художника с 1984 года; в 2012 году вышла их совместная книга «Окна», включающая девять новелл Д.И. Рубиной и репродукции 54 картин Б.Б. Карафелова.

В интервью Светлане Светловой художник так сформулировал свое творческое кредо: «Мне близки традиции европейского колоризма, восходящие к древним культурам Средиземноморья. Художественное полотно — это поверхность, на которой разворачивается драма цветовых взаимоотношений. Организуя цветовое многообразие, художник стремится к целостности. Когда строй цветовых рядов и интервалов образует некую гармонию — рождается картина».

Именно так родилось и полотно «Скрипач»: на холсте изображен музыкант в кипе, со скрипкой и смычком в руках, на фоне распахнутого окна, за которым открывается вид на цветущие холмы, где то здесь, то там краснеют крыши домов поселений в Иудейской пустыне. Образ музыканта, его лицо, изящный корпус скрипки, пейзаж за окном — все это рождается и расцветает мириадами красок из тысяч мимолетных, почти ювелирных мазков, составляющих драгоценную живописную мозаику полотна. За окном, обрамленным текучими пятнами бордово-синих теней, живым оранжево-зеленым огнем расцветает вечерняя заря, обгаренная золотыми, лиловыми и алыми красками заката, которые мягко отражаются на изумрудно-салатовых склонах холмов, на белых стенах невысоких домов, согретых золотым светом — и эти красочные искры звенят в самом воздухе, бросая отсветы на скромное одеяние исполнителя, его лицо и руки, на яркие красно-оранжевые изгибы скрипки. Но музыкант не всматривается в исполненный красок пейзаж за спиной — его задумчивый и грустный взор направлен к зрителю, и в то же время — куда-то вдаль... Скрипка в его руках, сияющая оранжево-красным огнем, будто излучая свой собственный, внутренний, неудержимый живой свет, становится самым ярким источником цвета на полотне, споря с заходящим солнцем. Музыкант прижимает ее к сердцу, сообщая ей свое тепло, и именно она выражает его чувства и мысли тогда, когда он молчит, она уплотняется лире поэта — музыкальный инстру-

«Натюрморт с маской»

мент становится воплощением его души, его неуясимого душевного пламени, пусть и земного, но не менее яркого, чем пламень небесный — не меркнувшего с закатом и всегда принадежающего его зрителю. И этот душевный огонь, это озарение живо всегда, во тьме и на свете, как жива и музыка — будь то музыка скрипки или неповторимая музыка его трепетной и чуткой души.

Полотно «Натюрморт с маской» решено в светлых, тонких, летучих, почти пастельных тонах — яркие краски спелых фруктов, переливающихся солнечными бликами, отражаются на бело-голубых тарелках и отзываются бежево-фиолетовыми и сине-зелеными искрами на коричневой поверхности деревянного стола, на светлых стенах пляшут бирюзово-лиловые тени и золотисто-розовые отсветы солнца. Быстрые, подвижные, динамичные мазки, мимолетные прикосновения кисти создают и глубокую прохладу тени, и лучезарные дневные блики, озаряющие стены, картину на стене в бронзовой раме, бездну штора и полотна на столе. На полотне под потолком изображен

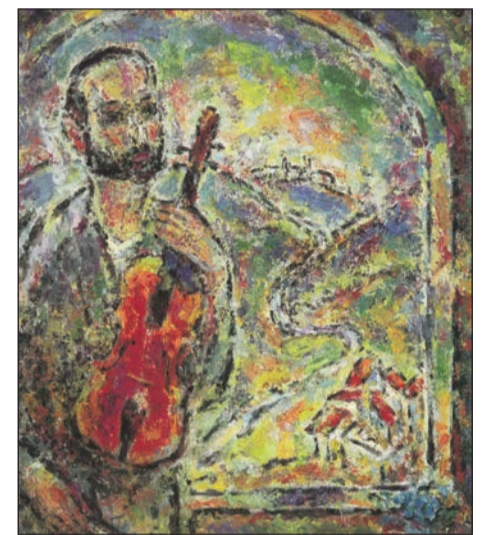
еще один натюрморт, где можно легко различить сочный гранат, металлический чайник и голубую чашку — он написан в той же манере, и тем самым реальность приобретает словно двойное измерение: художник запечатлевает и пространство своей комнаты, и сюжет второй картины, который будто открывает окно в другой мир. «Когда я пишу свои картины, я “включаю” не только зрительный ряд, — объясняет Б.Б. Карафелов. — Сначала возникает некая среда, это неясные еще ощущения, в которых основную роль играет свет, жизнь света; потом среда конкретизируется, обнаруживаются предметы, фигуры, наконец, я начинаю узнавать эти предметы и фигуры, я узнаю эти персонажи, с которыми прожил какую-то часть жизни... Это люди, жившие когда-то или живущие сегодня, и в то же время это я сам, потому что я почувствовал их в том срезе, где я и они — одно и то же, нас вылепил свет». Бесчисленное количество пятен и искр чистого цвета, смешиваясь друг с другом, соединяются в живописной гармонии, порождая почти осязаемые образы, мириады оттенков и полутонов — подобно разноцветным стеклышкам витражей в старинном храме, которые воссоздают из цветовых пятен все краски жизни. А мастерская — это всегда святая святых художника, где совершается таинство созидания, и здесь он творит, преображается, перевоплощается, то являя свое обычное лицо, то примеряя новый образ, как будто надевая снятую со стены маску, и где рождается его искусство, представляющее перед глазами зрителя, озаренное светом из окна, когда творец распахивает шторы, напоминая театральные занавесы, приглашает зрителя погрузиться в действо, вершащееся на полотне.

В одной из записанных бесед Б.Б. Карафелов отметил: «Можно вычленив некую традицию в истории искусства, которую я пытаюсь продолжить. Она берет начало в культуре Средиземноморья и двумя путями — через Византию и Венецию — и через Грецию и Флоренцию идет в искусство XVII века». В Венеции и Флоренции он работал много, создав там целый ряд исключительных произведений (одно из них использовано в оформлении обложки пронзительной повести Д.И. Рубиной «Высокая вода венецианцев»). «Очень люблю Италию, — говорил Б.Б. Карафелов в беседе с Алексеем Осиповым. — Там все соразмерно человеку, и кроме ослепительной природы есть все достижения человеческого гения: архитектура, городские пейзажи, интерьеры, одежда, национальная кухня настолько гармоничны, что все это вместе дает ощущение удивительного душевного комфорта». Это ощущение изумительно передано живописцем на картине «Воспоминание о Венеции», где Борис Карафелов являет зрителю живописный уединенный уголок легендарного города на воде, тихий и романтичный, затаившийся в стороне от центральных каналов и улиц, от многоты-

«Воспоминание о Венеции»

сячной толпы туристов и шумной суеты. Здесь же, в тишине и умиротворении, строгие окна средневекового палатца с чуть просевшими от времени стенами задумчиво смотрят в неторопливые воды канала, где легкая рябь раскачивает их зыбкое и текучее отражение. Здесь нет ни единой души, и только пара любящих друг друга людей в гондоле, без гида и сопровождающих, нашла уединение в этом тихом укрытии. Вся картина буквально сотворена из переливов прохладной и тенистой фиолетово-голубоватой палитры, играющих лиловыми, оранжевыми и даже красными бликами на стенах особняка и бросающих бирюзово-лиловые отсветы в воду, расходясь по всему полотну подвижными

«Скрипач»

волнами и красочными цветовыми всплесками. Зритель не видит здесь ни знаковых архитектурных достопримечательностей Венеции, ни известных памятников — это место невозможно назвать, определить, отыскать на карте города, это безымянный уголок, который будто бы потерялся во времени и пространстве, выпал из повседневности и даже не привязан к своему имени. И именно в этой тихой гавани двое возлюбленных обрели уединение, чтобы насладиться молчанием наедине друг с другом, вдали от туристических дорог, от смеха и крика толпы, от тысяч фотовспышек, чтобы забыть о течении времени, об окружающем мире, обо всем вокруг. И поэтому даже гондольер становится лишним на полотне — он не может отсутствовать, но зритель не видит его на холсте. Воды канала готовы вот-вот остановить свое течение, а сами возлюбленные вот-вот ускользнут от внимательного взгляда зрителя, чтобы остаться наедине друг с другом, исчезнув за границами картины.

Из Италии, как и из всех иных зарубежных поездок, Борис Карафелов уже четверть века возвращается в Израиль. Понятно, что нигде нет рая на земле, и все же в этой стране Борис Карафелов обрел новое художественное дыхание. «В Москве за окном у меня были “хрущобы”, по погоде — узкий двор с грязным снегом, а здесь — бесконечные холмы Иудейской пустыни... И совсем другое пространство: можно двигаться и час, и другой — постоянно ощущаешь его наполненность. Здесь спрессовалось не пространство — время как бы спрессовалось: что было тут тысячи лет назад, было словно вчера». Израильская живопись Бориса Карафелова изумительным образом отражает и эту наполненность времени, и колористическую безбрежность такого территориально маленького пространства. Именно поэтому его искусство останется важным и нужным зрителям живописи еще многие десятилетия.